

Люси Мод
Монтгомери

—

Аня и Долина Радуг

Москва
2024

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

М77

Lucy Maud Montgomery

RAINBOW VALLEY

Перевод с английского *Марины Батищевой*

Художественное оформление серии

Степана Костецкого

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Аня и Долина Радуг / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198463-2

В Глен св. Марии прибывает новый священник Джон Мередит, вдовец с четырьмя детьми — Джеральдом (Джерри), Фейт, Уной и Томасом Карлайлом (Карлом). Непослушные дети постоянно попадают в передраги, что ставит под вопрос способность их отца к воспитанию и занятию своего поста. Единственные, к кому они дружелюбны и открыты — то семейство Блайтов.

Дети Ани и Гилберта, Мередитов и сиротка Мэри Вэнс облюбовали для игр одно место — ложбину за рощей, которую назвали Долина Радуг. Джим Блайт решает организовать Клуб «Хорошего поведения», чтобы научить Мередитов вести себя хорошо. За проступок дети сами придумывают наказание. В результате одного из таких Карл заболевает пневмонией, проведя несколько часов под дождём на кладбище, а Уна падает в обморок на службе в церкви после однодневного поста. Джон Мередит винит себя как некудышного отца и решает жениться, чтобы дать детям мать. Он предлагает пожениться одинокой женщине за тридцать Розмари Уэст, но получает отпор от её старшей сестры Эллен, поскольку после смерти родителей сёстры обещали не покидать друг друга. Вскоре сама Эллен соединяет свою судьбу с давним возлюбленным, и у Джона с Розмари всё налаживается.

По хронологии действия это седьмая книга из цикла про Анну Ширли и её большую семью.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-198463-2

© Батищева М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I

СНОВА ДОМА

Стоял ясный, желтовато-зеленый майский вечер, и между темнеющими берегами гавани Четырех Ветров отражались, словно в зеркале, золотистые облака заката. Море горестно стонало на песчаных дюнах, печальное даже весной, но веселый, шаловливый ветер бродил, насвистывая, вдоль красноватой прибрежной дороги, по которой в направлении деревни Глен св. Марии неспешно продвигалась полная фигура мисс Корнелии. Мисс Корнелия имела вполне законные основания называться миссис Эллиот, поскольку вот уже тринадцать лет была замужем за Маршаллом Эллиотом, но, несмотря на это, среди ее знакомых насчитывалось гораздо больше тех, кто продолжал называть ее мисс Корнелией, чем тех, для кого она стала миссис Эллиот. Ее прежнее имя было дорого старым друзьям, и среди них нашлась только одна особа, которая с презрением отвергла его. Седая и суровая Сюзан Бейкер, верная служанка семейства Блайт, проживавшего в Инглсайте, никогда не упускала возможности употребить обращение «миссис Эллиот» и делала это таким убийственно подчеркнутым образом, словно добавляла: «Ты хотела быть

«миссис», и что до меня, то уж я постараюсь, чтобы ты была «миссис» — и с лихвой».

Мисс Корнелия направлялась в Инглсайд, чтобы по-видать доктора Блайта и его жену, только что возвратившихся домой из Европы. За те три месяца, что прошли со времени их отъезда — а они уехали в феврале, чтобы присутствовать на представительном медицинском конгрессе в Лондоне, — в Глене произошли кое-какие события, и мисс Корнелия горела желанием их обсудить. Начать с того, что в дом священника въехала новая семья. И что за семья! Мисс Корнелия несколько раз покачала головой, размышляя о них, пока бодро шагала по дороге.

Сюзан Бейкер и та, что в былые времена носила имя Анна Ширли, заметили приближение гости. Они сидели на большом крыльце Инглсайда, наслаждаясь очарованием сумерек, сладким посвистыванием сонных малиновок в тускло освещенных кленах и танцем колыхаемых ветром желтых нарциссов на красноватом фоне старой кирпичной ограды.

Аня сидела на ступеньках, сцепив руки на колене и глядя в мягкий сумрак, настолько похожая на юную девушку, насколько это может позволить себе мать большого семейства, и ее прекрасные серо-зеленые глаза, устремленные на прибрежную дорогу, были, как и прежде, полны неугасимого огня и мечты. За ее спиной в гамаке лежала, свернувшись в клубочек, Рилла Блайт, маленькое, пухленькое шестилетнее создание, самая младшая среди инглсайдской детворы. У нее были вьющиеся рыжие волосы и карие глаза, крепко зажмуренные в эту минуту, так что вокруг них на личике образовалось множество забавных мелких складочек — Рилла всегда засыпала именно так.

Ширли — в семейных анналах он значился как «смуглый малыш» — спал на руках у Сюзан. Этот темноволо-

сый, темноглазый и смуглый, с очень румяными щеками мальчуган пользовался особой любовью Сюзан. После его рождения Аня долго не могла оправиться, и Сюзан заменяла младенцу мать со страстной нежностью, какой не вызывал у нее ни один из остальных инглсайдских детей, как дороги ей они ни были. Доктор Блайт когда-то сказал, что если бы не она, младенец не выжил бы.

— Я дала ему жизнь в той же мере, что и вы, миссис докторша, дорогая, — часто повторяла Сюзан. — Он настолько же мой ребенок, насколько и ваш.

И в самом деле, именно к Сюзан всегда бежал Ширли, чтобы она своим поцелуем облегчила боль от только что полученной шишки или убаюкала перед сном, а то и защитила от заслуженной взбучки. Сюзан добросовестно отвечивала шлепки всем другим юным Блайтам, когда считала, что это необходимо для их же душевного блага, но ни разу не отшлепала Ширли и ни разу не позволила сделать это его матери. А когда однажды доктор Блайт все же отшлепал маленького шалуна, Сюзан выразила бурное негодование.

— Да этот человек отшлепал бы и ангела, миссис докторша, дорогая! Отшлепал бы, уверяю вас! — объявила она с горечью и несколько недель не пекла бедному доктору пирожков.

На время отсутствия доктора и его жены Сюзан забрала Ширли с собой в дом своего брата, в то время как все остальные дети уехали в Авонлею, так что три счастливых месяца он принадлежал ей одной. Тем не менее она была очень довольна, что наконец вернулась в Инглсайд и снова вокруг нее ее любимые домочадцы. Инглсайд был ее миром, и она царила в нем безраздельно. Даже Аня редко оспаривала ее хозяйственные решения, к большому неудовольствию миссис Рейчел Линд из Зеленых Мезонинов, которая всякий раз, когда гостила

в Четырех Ветрах, с мрачным видом говорила Ане, что та позволяет Сюзан чересчур командовать в доме и еще пожалеет об этом.

— А вот и Корнелия Брайант шагает к нам по прибрежной дороге, миссис докторша, дорогая, — сказала Сюзан. — Намеревается облегчить душу, излив на нас трехмесячный запас сплетен.

— Очень надеюсь, что это так, — сказала Аня, обхватывая колени. — Я изголодалась по нашим деревенским сплетням, Сюзан. Надеюсь, мисс Корнелия сможет рассказать мне обо всем, что произошло, пока нас тут не было, — абсолютно обо *всем...* кто родился, или женился, или напился пьян, кто умер, или уехал, или приехал, или поссорился, или потерял корову, или нашел жениха. Так приятно снова оказаться дома, в окружении таких близких и знакомых обитателей Глена, и я очень хочу знать о них все. Ведь даже бродя по Вестминстерскому аббатству, я — очень хорошо это помню — думала о том, за кого же из двух своих самых настойчивых кавалеров выйдет все-таки Миллисент Дрю. Знаете, Сюзан, меня мучает ужасное подозрение, что я большая любительница посудачить о делах ближних.

— Ну, разумеется, миссис докторша, дорогая, — согласилась Сюзан, — любая настоящая женщина любит послушать, что новенького у соседей. Мне и самой, пожалуй, интересно узнать, за кого выходит Миллисент Дрю. У меня никогда не было поклонника, тем более двух, но теперь я об этом ничуть не горюю, так как положение старой девы не досаждаст, когда к нему привыкнешь. А волосы у Миллисент, на мой взгляд, всегда имеют такой вид, словно она зачесывала их кверху метлой. Но мужчин это, похоже, не смущает.

— Они видят только ее хорошенькое, пикантное, лукавое личико, Сюзан.

— Вполне возможно, миссис докторша, дорогая. В Библии, конечно, говорится, что миловидность обманчива и красота суетна¹, но я была бы не прочь убедиться в этом на личном опыте, если бы так было предопределено Господом. У меня нет сомнений, что мы все будем красивы, когда станем ангелами, но что пользы нам тогда от нашей красоты? Кстати, о сплетнях, говорят, что бедная миссис Миллер, жена Харрисона Миллера с той стороны гавани, на прошлой неделе пыталась повеситься.

— Да что вы, Сюзан!

— Успокойтесь, миссис докторша, дорогая. У нее ничего не вышло. Но я, право же, не виню бедняжку за такую попытку: ее муж — ужасный человек. Тем не менее это была очень глупая идея — повеситься и тем самым дать ему возможность жениться на какой-нибудь другой женщине. На ее месте, миссис докторша, дорогая, я постаралась бы довести его до того, чтобы он сам попытался повеситься, а уж никак не я. Хотя не скажу, чтобы я одобряла тех, кто вешается, — независимо от обстоятельств, миссис докторша, дорогая.

— Так все-таки в чем же там дело с Харрисоном Миллером? — спросила Аня нетерпеливо. — Он вечно доводит кого-нибудь до крайности.

— Ну, одни называют это религиозностью, а другие — дьявольским упрямством... прошу прощения, миссис докторша, дорогая, за то, что употребляю такое слово. В случае с Харрисоном его родня, похоже, никак не может прийти к окончательному выводу, первое это или второе. Бывают периоды, когда он рычит на всех, так как думает, что ему суждено наказание и вечная гибель от лица Господа. А бывают другие периоды, когда он говорит, что ему плевать, и напивается. По моему мнению,

¹ Библия. Притчи, гл. 31, стих 30.

у него не все в порядке с мозгами — ведь в их роду все такие. Его дед сошел с ума. Ему казалось, что он окружен большими черными пауками и что они ползают по нему и плавают вокруг него в воздухе. Я очень не хотела бы сойти с ума, миссис докторша, дорогая, и не думаю, чтобы мне это грозило — в нашем роду такого не бывало. Но если вдруг всеведущее Провидение распорядится иначе, я лишь надеюсь, что в моих безумных фантазиях не будет больших черных пауков — я этих тварей терпеть не могу. Что же до миссис Миллер, право, не знаю, заслуживает она жалости или нет. Поговаривают, будто она вышла замуж за Харрисона только для того, чтобы позлить Ричарда Тейлора, что представляется мне весьма своеобразной причиной для замужества. Но, с другой стороны, я, разумеется, не могу быть судьей там, где речь идет о *матриомониальных* делах, миссис докторша, дорогая. А вот и Корнелия Брайант подходит к калитке, так что уложу-ка я в постель нашего дорогого смуглого малыша и возьму мое вязание.

ГЛАВА 2

СУДЫ-ПЕРЕСУДЫ

— А где же остальные дети? — спросила мисс Корнелия, когда отзвучали первые приветствия — сердечные с ее стороны, восторженные с Аниной и исполненные чувства собственного достоинства со стороны Сюзан.

— Ширли в постели, а Джем, Уолтер и близнецы в их любимой Долине Радуг, — улыбнулась Аня. — Они недавно забежали домой поужинать, но всем им не терпелось снова выскочить из-за стола, чтобы помчаться обратно в долину. Для них это самое дорогое место на свете. Соперничать с долиной не может даже кленовая роща.

— Боюсь, слишком уж они ее любят, — проронила Сюзан мрачно. — Маленький Джем заявил однажды, что охотнее отправился бы после смерти в Долину Радуг, чем на небеса, и это было весьма неприличное высказывание.

— В Авонлее они, как я полагаю, тоже замечательно провели время? — уточнила мисс Корнелия.

— Совершенно замечательно! Марилла их ужасно балует. Особенно Джема — в ее глазах он всегда прав.

— Мисс Касберт, должно быть, уже очень стара, — заметила мисс Корнелия, доставая свое вязание, чтобы не отставать от Сюзан. Мисс Корнелия придерживалась того мнения, что женщина, чьи руки заняты, всегда имеет преимущество перед женщиной, чьи руки лежат праздно.

— Марилле восемьдесят пять, — отозвалась Аня со вздохом. — Волосы у нее теперь белее снега. Но зрение, как ни странно, сейчас у нее лучше, чем тогда, когда ей было шестьдесят.

— Ну, Аня, душенька, я ужасно рада, что все вы снова с нами. Мне было ужасно одиноко. Впрочем, скучать нам здесь в Глене было некогда, поверьте *мне*. В том что касается церковных дел, не припомню более богатой событиями весны. У нас, душенька, наконец появился новый священник.

— Достопочтенный Джон Нокс Мередит, миссис докторша, дорогая, — вставила Сюзан, полная решимости не дать мисс Корнелии одной сообщить все новости.

— Приятный человек? — спросила Аня с интересом.

Мисс Корнелия вздохнула, а у Сюзан вырвался стон.

— Да, он довольно мил, если уж на то пошло, — сказала первая из них. — *Очень* приятный человек... и очень ученый... и очень духовный. Но, Аня, душенька, у него нет ни капли житейской мудрости!

— Как же тогда прихожане его выбрали?

— Ну, как проповедник он, без сомнения, гораздо лучше всех тех, что служили в нашей церкви прежде, — продолжила мисс Корнелия, аккуратно перекрещивая на спицах пару петель. — Я думаю, только из-за этой его досадной мечтательности и рассеянности ему не удалось найти место священника в городе. Его пробная проповедь была просто великолепна, поверьте *мне*. Все пришли от нее в восторг... от нее и от его внешности.

— Он очень привлекательный, миссис докторша, дорогая, а мне, что ни говори, приятно смотреть на симпатичного мужчину на церковной кафедре, — вмешалась Сюзан, полагая, что пора снова напомнить о себе.

— К тому же, — добавила мисс Корнелия, — нам так не терпелось обзавестись постоянным священником. А мистер Мередит оказался первым проповедником, по поводу которого у нас не было никаких разногласий. Каждый из остальных кандидатов вызывал возражения у кого-нибудь из паствы. Сначала шли разговоры о том, чтобы пригласить мистера Фоулсома. Он тоже хороший проповедник, но почему-то людям не понравилась его внешность. Слишком уж он был смуглый и холеный.

— Он выглядел точь-в-точь, как большущий черный кот — именно так, миссис докторша, дорогая, — подхватила Сюзан. — Я бы просто не вынесла, если бы пришлось видеть такого человека на церковной кафедре каждое воскресенье.

— Потом появился мистер Роджерс. Он был, как картофель в овсянке — ни плох, ни хорош, — продолжила мисс Корнелия. — Но даже если бы он проповедовал, как Петр и Павел¹, это ему не помогло бы, так

¹ Петр — один из двенадцати апостолов, учеников Христа; Павел — апостол, проповедовавший христианское учение язычникам.

как в то воскресенье в церковь забрела овца старого Кейлеба Рамзи и громко протянула свое «бэ-э-э», как только была объявлена тема проповеди. Все расхохотались, и после этого у бедного Роджерса уже не осталось никаких шансов на избрание... Некоторые считали, что нам следует пригласить на место священника мистера Стюарта, поскольку он очень хорошо образован. Может читать Новый Завет на пяти языках.

— Хотя я не думаю, что благодаря этому обстоятельству у него сколько-нибудь больше шансов попасть на небеса, чем у других, — вставила Сюзан.

— Большинству из нас не понравилась его манера произношения, — продолжила мисс Корнелия, не обращая внимания на Сюзан. — Он не говорил, а бормотал, если можно так выразиться. А мистер Арнетт *совершенно* не умел проповедовать. И к тому же выбрал для своей проповеди самый, пожалуй, неудачный текст из всех, какие только есть в Библии — «Прокляните Мероз»¹.

— Всякий раз когда ему не приходило в голову никакой удачной мысли для продолжения проповеди, он просто грохал Библией по пюпитру и восклицал с ожесточением: «Проклинаю тебя, Мероз!» Бедный Мероз — кем бы он ни был — оказался проклят в тот день в полной мере, миссис докторша, дорогая, — сказала Сюзан.

— Священник, которому предстоит произнести пробную проповедь, должен с особой осторожностью подходить к выбору текста из Библии, — внушительно заявила мисс Корнелия. — Я уверена, что нашим священником стал бы мистер Пирсон, если бы только он выбрал для своей проповеди другой текст. Но как только он произнес: «Смотрю на горы — и вот, они дрожат,

¹ Библия, Книга Судей, гл. 5, стих 23.

и все холмы колеблются»¹, ему уже не на что было надеяться. Все усмехнулись, так как каждый знает, что обе дочки Хиллов² с той стороны гавани пытались женить на себе каждого холостого священника, какой только появлялся в Глене за последние пятнадцать лет... А у мистера Ньюмана была слишком большая семья.

— Он останавливался в доме моего зятя, Джеймса Клоу, — сообщила Сюзан. «Сколько же у вас детей?» — спрашиваю у него. «Девять мальчиков и у каждого сестра», — говорит. «Восемнадцать! — ахнула я. — До чего большая семья!» А он принялся хохотать... и все хохотал и хохотал. Право, не знаю, что тут смешного, миссис докторша, дорогая. Я уверена, что восемнадцать детей — это по любым меркам слишком много; на такое количество ни в одной деревне дом священника не рассчитан.

— У него было только десять детей, Сюзан, — с терпеливой снисходительностью объяснила мисс Корнелия. — И я уверена, что присутствие десяти хороших детей было бы не намного губительнее для дома священника в Глене и для всего нашего прихода, чем присутствие четверых детей мистера Мередита. Хотя, с другой стороны, Аня, душенька, я не сказала бы, что они так уж плохи. Мне они нравятся... они всем здесь нравятся. Не могут не нравиться. Они были бы поистине милыми детьми, если бы только было кому позаботиться об их манерах и научить, что правильно и прилично. К примеру, наша школьная учительница говорит, что на занятиях они образцовые ученики. Но дома они просто без надзора и вытворяют что вздумается.

— А чем же занята миссис Мередит? — спросила Аня.

¹ Библия, Книга пророка Иеремии, гл. 4, стих 24.

² Х и л л (Hill) — означает в английском языке «холм».

— Нет никакой миссис Мередит. В этом-то вся беда. Мистер Мередит — вдовец. Его жена умерла четыре года назад. Если бы нам было известно об этом с самого начала, не думаю, что мы выбрали бы его, так как вдовец даже хуже для прихода, чем холостяк. Но кто-то слышал, как он упоминал о своих детях, и мы все решили, что и мать тоже есть. А когда они приехали, оказалось, что есть лишь старая тетушка Марта — так они ее называют. Кажется, она двоюродная сестра матери мистера Мередита, и он взял ее к себе, чтобы спасти от богадельни. Ей семьдесят пять, она подслеповатая, очень глухая и с немалыми причудами.

— И очень плохо готовит, миссис докторша, дорогая.

— Худшей хозяйки для дома священника и придумать нельзя, — в голосе мисс Корнелии звучала горечь. — Мистер Мередит не хочет взять другую экономку или служанку. Боится, по его словам, обидеть этим тетушку Марту. Аня, душенька, поверьте *мне*, дом священника теперь просто в ужасном состоянии. Везде невероятный беспорядок, и мебель покрыта толстым слоем пыли. А ведь мы так заботливо все покрасили и оклеили новыми обоями к их приезду.

— Сколько детей? Четверо, вы сказали? — спросила Аня, в сердце которой уже шевельнулась материнская жалость к сиротам.

— Да. Они погодки — идут один за другим по возрасту, как ступеньки лестницы. Джеральд — старший. Ему двенадцать, и они зовут его Джерри. Умный мальчик. Следующая по возрасту — Фейт, ей одиннадцать. Сорванец из сорванцов, но, надо признать, очень хорошенькая — просто загляденье.

— С виду она сущий ангел, но гораздо на проделки до ужаса, миссис докторша, дорогая, — добавила Сюзан мрачно. — На прошлой неделе я зашла в дом священника под вечер, а там как раз была в это время миссис